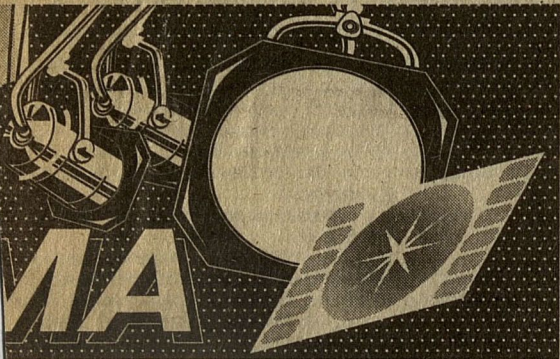

Иванка Наталии ЖУРАВЛЕВОЙ

Поводом для нашей встречи послужили эти ужасные слухи, что секретарь правления Союза кинематографистов (см. сноску) помимо пьянства и наркомании был уличен еще и в канибализме. Иван Охлобыстин быстро развеял слухи:

— Следствие по этому делу остановлено, потому что голова, которую нашли у меня на антресолях, была не моя. То есть она принадлежала не мне... В общем, она была собственностью того человека, у которого я снимал квартиру.

Иван часто меняет квартиры. Его быстро утомляет один и тот же пейзаж за окном. Он смотрит, где локализуется круг друзей, и быстро переезжает в этот район.

— Вань, а почему тебе приходится снимать квартиры? Ты не москвич?

— Я так, десятая вода на киселе. Я только в пятом классе переехал в Москву. А до этого жил в деревне у бабушки. Бегал босиком в подштанниках с кружевами от деревенских мальчишек, коварно обманутых мною.

До 27 лет Иван не брал в рот ни молекулы алкоголя, вел здоровый образ жизни и после школы учился в Загорской семинарии. Правда, недолго. Чуть не был посажен за бытовое хулиганство, а именно за отобранный мотоцикл и проломленный чей-то череп.

— Били все вместе, но когда приехала милиция, все разбежались, а я один остался добивать... ногами. Мне одному за всех и досталось.

Следствие по этому делу также было закрыто, как и вышеупомянутое дело о канибализме. При этом сам Иван искренне заверяет, что хулиганом никогда не был, его всегда волновали философские основы жизни. И потому он бросил семинарию и поступил во ВГИК.

— Но отчего же такие крайности? Ведь это совершенно разные вещи — семинария и режиссерский факультет ВГИКа?

— Нет, я считаю, что истоки одни. Формирование массового сознания, формирование духовных ценностей. Когда человек умирает, он оказывается в мире, который сам создал. Если говорить о звуковом ряде, то он слышит ту музыку, которую слышал здесь, на земле. А видеоряд складывается из картин любимых художников...

— А если у человека не было любимых художников?

— Очень жаль. Тогда это картинки из фильмов, например, или другие, созданные массовой культурой.

— Ты так спокойно относишься к смерти? У тебя ведь умирали близкие: Тягунов, у которого ты снимался в "Ног", Саморядов, с которым ты дружил?

— Я и сам пережил три клинических смерти. Разбился на мотоцикле, меня частенько собирали по кусочкам. Весной этого года меня зарезали в метро. Лица кавказской национальности. Несколько ножевых ран, перелом ключицы...

— Что, просто так, подошли и?..

— Нет — как просто так? Сначала я им хамил минут десять!

Я думаю, что смерть — это такое же состояние, как и жизнь. Просто одно плавно переходит в другое. И Тягунову, и Саморядову, мне кажется, там лучше, чем здесь. И тот и другой сознательно шли к этому. Саморядов в последних сценариях очень много писал о смерти. Он хотел этого. Там им лучше, потому что они были искренними. А тем, кто искренен, всегда неловко здесь.

Что ты такие вопросы мне задаешь, а? Что ты такая мрачная? Тебе мужика надо такого, чтоб задница крепенькая, как орех! Хочешь, познакомлю?

— Ну что вы, право, Иван! Разве любовь не является серьезной темой в жизни, в частности, в твоей жизни?

— Что ты подразумеваешь под словом "любовь"? Акт совокупления как таковой? Или любовь мужчины к женщине? Или аморфную любовь — ко всему человечеству? Знаешь, один мой приятель, широкий человек, привел меня к себе и показал огромную двуспальную кровать: "Вот здесь я трахаю людей".

— К чему ты это рассказал?

— Так, ко всему предыдущему.

— Значит ли это, что ты не относишься серьезно к семье, к детям?

— Нет, почему, дети мне очень нравятся. Хочу иметь много детей. Но я дал себе срок не думать об этом до тридцати лет. Мне кажется, что это такой своеобразный рубеж. Во-первых, потому, что есть резон покумекать, что к чему, до 30. А во-вторых, потому, что не хочется быть папой, который приезжает в школу на родительские собрания в инвалидной коляске. Хотя я сам поздний ребенок — моему отцу было 62 года, маме 19, когда я появился.

— Говорят, что поздние дети гениальны. Теперь понятно, почему ты так сразу поступил во ВГИК, почему ты так талантлив и как режиссер, и как сценарист, и как актер.

— Ой, про актера ты мне не говори. Я никогда не хотел быть актером. Если бы ты знала, как это унижительно — краситься, подводить глаза... Потом я не люблю играть

чужих людей. Я могу играть только самого себя. Поэтому режиссеры, которые приглашают меня сниматься, обычно хорошо меня знают. Тот же Никита Тягунов, Димка Месхиев, Кучинский. А что касается ВГИКа, так я поступил не сразу. Я прошел все три тура. Поступил к Хуциеву — а он мне сказал: "Несмотря на твою гениальность, друг, ты ведь все равно в армию пойдешь. Так что освободи это место другому. Оно ему нужней".

— Блатному, что ли, кому-то?

— Дело даже не в этом, понимаешь. В этом нет ничего плохого. И если бы у меня был ребенок, я бы первый его стал пристраивать по блату, куда бы только смог. Дело в том, что я разочаровался в Хуциеве. Он считался тогда представителем новой волны в кинематографе. А оказалось, что это лишь ксерокс. Как всегда, плохой советский ксерокс. И я ушел в армию, а через два года поступил вновь, но уже к Таланкину.

Его первая короткометражка "Чушь, или Рассказ ни о чем" была снята по сценарию Романа Качанова. В этом году они поменялись местами, и Качанов снял фильм "Урод" с Никитой Высоцким в главной роли по сценарию Охлобыстина. В картине "Чушь, или Рассказ ни о чем" снимался Сергей Шеховцов и тот же Никита Высоцкий. "Мы получили за нее какие-то призы в Потсдаме и во Франции, — вспоминает Иван, — и ка-

— У меня очень разносторонний круг друзей. Кто занимается хирургической практикой, кто снимает, кто сидит на игле, кто пишет книгу, кто ничего не делает. То есть у меня нет друзей определенно из кинематографической среды. Она не очень интересна сейчас. Да и была, собственно, всегда не очень интересна.

— Даже молодые?

— Я не имею в виду, конечно, всех. Например, Дима Месхиев, Гога Шенгелия — безумно интересный человек. Но во что, например, выливаются праздники в нашей среде? Надо хвалить либо кого-то, либо самого себя, а сам праздник как таковой отсутствует. Да и вообще человек, который работает, на тусовке не присутствует. И обычно то, что называют киношной тусовкой, на самом деле околкиношная тусовка. Киношная тусовка либо сидит дома, выхаживает детей, либо принимает тазепам перед съемками, либо пьет вчерную в ожидании очередной дотации государства или вливания из банка для продолжения съемок, либо на юге пляшет с голыми девками.

— Либо на "Кинотавре"?

— Там более или менее интересно. Я на фестивале, собственно, езжу с друзьями встречаться и призы забирать.

— Призы получать приятно?

— Приятно, только тяжело их потом с квартиры на квартиру перевозить.

В ЛЮБОМ ДЕЛЕ — ГЛАВНОЕ НЕ РАСЧЕСЫВАТЬСЯ

"СИЯНИЕ" ИВАНА ОХЛОБЫСТИНА

Фото И. ФРИЗА

кие-то бумаги". Потом была картина "Разрушитель волн", в которой снимался Лев Дуров, Сергей Лебедев. Фильм получил "Серебряного орла" в Чикаго на фестивале молодого кино, в Абельсберге приз Фипресси и приз, не имеющий медного эквивалента, в Италии. Потом его купило французское телевидение, а сейчас (никто точно не знает) он принадлежит то ли НТВ, то ли ТВ-6.

В 1992 году Иван Охлобыстин получил приз на "Кинотавре" за лучшую мужскую роль в "Ног" Никиты Тягунова, а также на фестивалях в Голландии и на Украине. А потом он снял "Арбитра", где была такая тотальная программа китайского театра теней, по его собственному выражению, и сценарий его, и режиссура, и главная роль. За режиссуру он получил приз на фестивале "Вторая премьера" в Москве.

Иван сделал несколько телевизионных программ: "Небо в алмазах", "Богема", но столкнулся с проблемой полного отсутствия организации на телевидении и с тем, что богема у нас не сформировалась как таковая, а следовательно, снимать одних и тех же людей не имеет резона. Как они едят и перемещаются?.. Застопорился на отсутствии материала.

— Сам себя ты не считаешь частью богемы? Ведь именно кинематографистов принято относить к этому кругу?

— Что с тобой случилось на этом "Кинотавре"?

— Меня постигла белая горячка. Рудинштейн сказал мне: приезжай, я тебе приз денежный дам за "Урода", за лучший сценарий. Я говорю: а много денег-то? Он говорит: приезжай, увидишь. Не дал. Ну да ладно. Я все пил, пил первые три дня. Ну, сама понимаешь, дорвался до друзей, долго не отдыхал. Как раз перед этим меня зарезали в метро. И тут, как в фильме "Сияние" — помнишь, когда Николсон входит в пустой зал и видит, что там идет банкет, — так и у меня. Сажу я в пустой комнате и вижу — Фрэнк Синатра поет. Вокруг люди какие-то ходят... Меня за счет фестиваля отвезли в больницу. Положили под капельницу...

Ну не скажешь, что красавец-мужчина, но ужасно мил. Остроумный, веселый, прикольный. Ну а кто не пьет, назови? Да он и не пил бы, просто он считает, что все в этой жизни нужно прочувствовать и понять самому.

— Скажи, как так могло получиться: почти всю свою сознательную жизнь ты пропагандировал здоровый образ жизни. Искренне, я надеюсь. И вдруг до белой горячки?

— Сознательно. Я совершал насилие над собой. Но лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Я и марихуану курил. Но это все юношеский восторг. Вот сейчас я уже не представляю себе этого. Надо бы вообще легализовать употребление марихуаны, тогда многие просто не станут наркоманами. Наркотики обладают тенденцией расширять тебя самого, но расширять тебя можно только до твоей сущности. Твою сущность, твою способность восприятия окружающего. То есть до определенной степени... А когда ты сформировался как человек, тебе уже не нужно это и ничего, кроме осоловело состояния, не вызывает.

— Ты не боишься, или, вернее сказать, не переживаешь, что значительная часть человечества, в частности пенсионного возраста или пионерско-комсомольско-советской закалки, осудит тебя?